

Дебаты о постсоциализме и политики знания в пространстве множественных «post-»

Альмира Усманова

Профессор департамента социальных наук, Европейский гуманитарный университет

Адрес: ул. Савичяус, 17, Вильнюс, Литва LT-01126

E-mail: almira.ousmanova@ehu.lt

В данной статье я рассматриваю вопрос о том, как в мире без социализма и в пространстве множественных «post-» происходит формирование новых политик знания. Социальные исследователи из постсоциалистического региона стремятся найти/вернуть своим странам место на карте и в истории, задействуя при этом концептуальные подходы, которые базируются на разных идеологических основаниях. В качестве примеров ангажированного знания я здесь рассматриваю методологический национализм, гендерные исследования и деколониальный дискурс как самые востребованные объяснительные модели, утвердившиеся в постсоциалистическом пространстве на руинах ортодоксального марксизма после 1991 года. Меня интересует, какие эпистемологические и политические эффекты они производят, когда мы используем их для анализа пост-«постсоциалистического состояния». В зависимости от интерпретативной оптики мы получаем разные ответы на вопросы о том, наступило ли время сказать «Прощай, постсоциализм!», или насколько полезной является категория «Глобального Востока» в современных обстоятельствах. Пространство множественных «post-» я здесь понимаю, во-первых, как территорию, которая после коллапса социализма оказалась вписана в новые пространственные конstellации, однако все еще находится в поисках своего места на геополитической карте мира и остается весьма чувствительной к политикам наименования; и во-вторых, как пространство эпистемологической гетероглоссии, в котором между собой соперничают различные способы концептуализации как недавнего прошлого, так и актуального настоящего.

Ключевые слова: политики знания, социализм, постсоциализм, феминизм, методологический национализм, марксизм, Запад, Восток, Другой

О роли пространственных метафор в утверждении нового мирового бес/порядка

География никогда не была политически невинной/нейтральной наукой, хотя под прикрытием процедур достижения научной объективности ее «политическое бес-сознательное» удавалось скрывать до тех пор, пока на рубеже XIX–XX веков геополитика не утвердилась в качестве самостоятельного направления исследований, на стыке географии, социологии, экономики и политических наук.

Идеологическая ангажированность географического Воображаемого обнаруживается каждый раз, когда политические границы между странами и различными транснациональными союзами предъясняются в качестве «естественных» факторов политического мироустройства (наподобие «прочерченной» в XVIII веке границы между Европой и Азией), или когда понятия, обозначающие стороны

света (Запад, Восток, Юг, Север), применяются в анализе экономических, политических и культурных процессов.

На протяжении нескольких столетий эти категории играли важную роль в объяснении различий в потенциалах и рациональности использования природных и человеческих ресурсов (в масштабах всего земного шара или одного материка, а нередко и отдельной страны) и были призваны маркировать предполагаемые границы между полюсами экономического превосходства, технологической мощи, политического влияния (условные Запад и Север) и бедности, технологической отсталости, политической зависимости (условные Юг и Восток).

Другими словами, когда географические термины перемещаются в поле социальных наук, вначале они приобретают статус пространственных метафор (функция которых состоит в натурализации идеологических конструктов), а затем начинают использоваться как прошедшие валидизацию аналитические категории, с помощью которых картируются, описываются и интерпретируются глобальные и региональные политико-экономические реальности.

В XX веке политическая карта мира неоднократно перекраивалась — вследствие двух мировых и множества локальных войн, социальных и национально-освободительных революций и распада колониальных империй. Тридцать лет назад в Восточной Европе произошли радикальные политические преобразования: «Социалистические режимы в странах Восточной Европы рухнули благодаря одной и той же движущей силе истории, в результате чего в итоге больше 400 миллионов человек в 30 странах почти одновременно оказались в условиях постсоциализма» (Мюллер, 2019). На руинах бывшего социалистического блока практически в одночасье образовалось множество новых стран, некоторые из которых восстановили утраченную ранее независимость, а другие обрели статус самостоятельных государств впервые в истории. Пространство, переставшее быть «шестой частью земли» (СССР), превратилось в территорию «призраков» социализма¹. Ориенталистская в своей основе концепция разделения на Первый, Второй и Третий миры утратила смысл, поскольку Второго мира не стало.

Крах социалистической системы стал основанием для установления нового мирового порядка, пришедшего на смену тому, который сформировался после Второй мировой войны и был обусловлен конкуренцией двух основных систем — капитализма и социализма. Новый мировой порядок, по сути, означал утверждение рыночной модели экономики как глобального паттерна (Spivak, 1995: 89), а его идеологической легитимацией стал глобализм (Бек, 2001: 23).

Тогда казалось, что политические контуры будущего мира уже не изменятся. Между тем спустя почти три десятилетия после провозглашенного Фрэнсисом Фукуямой «конца истории» вопрос о *новом мировом порядке* вновь вернулся в медиа и в политический дискурс². Утверждения о «конце нового мирового порядка»

1. О книге Жака Деррида «Призраки Маркса» (Деррида, 2006) и постсоветской «хонтологии» (l'phantologie, hauntology, призракология) я пишу в другом тексте (Ousmanova, 2018).

2. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на заголовки передовых статей, опубликованных в ведущих мировых информационных изданиях (таких как New York Times, Forbes, Wall Street Journal

или же об установлении «старого нового мирового порядка» во многом связаны с пандемией COVID-19. Биополитика, ранее не выходящая за границы отдельно взятых государств и политических режимов, неожиданно стала глобальным фактором, оказывая невидимое (если говорить о самом вирусе, а не о его распространении и последствиях), но значительное влияние на геополитику. Однако, хотя коронавирус и спровоцировал «антиглобалистскую паранойю», настоящей причиной наступления нового глобального бес/порядка является не пандемия, а совсем другие процессы³, многие из которых были запущены в момент, когда пала Берлинская стена.

Таким образом, в настоящее время мы являемся свидетелями передела не карты, но, скорее, картины мира, меняющей на наших глазах представления о связи географии, политики и экономики. На протяжении нескольких столетий, и особенно в период холодной войны, отношения между Востоком и Западом определяли направление и ход исторических событий, а также их интерпретацию, однако распад биполярного мира, основанного на противостоянии и политической конкуренции двух систем — социализма и капитализма, привел к тому, что политическая семантика этих категорий утратила прежнюю ясность. «Как только исчез коммунистический Другой, растворилось и идеологическое различие Востока и Запада» (Мюллер, 2020: 20). Эпитеты «бывший», «глобальный», «условный», «воображаемый», «старый», «новый» применяются сегодня по отношению как к «Востоку», так и к «Западу». Спор о понятиях является свидетельством того эпистемологического хаоса, в котором мы оказались и все еще находимся, утратив прежние системы координат.

Взгляд на дебаты о постсоциализме с позиции включенного наблюдателя

В рамках данного текста я рассматриваю постсоциалистический регион как пространство множественных «post-», имея в виду два обстоятельства. Во-первых, речь идет о территории, которая после коллапса социализма оказалась вписана в новые пространственные конstellляции, однако все еще находится в поисках своего места на геополитической карте мира и остается весьма чувствительной к политикам имени (поскольку «дать имя территории — значит освоить ее в терминах той или иной идеологии, вписать в определенную символическую матрицу — и в политическую игру» (Усманова, 2007: 113)). Во-вторых, это пространство эпистемологической гетероглоссии, в котором между собой соперничают различ-

и др.) в течение последнего месяца: «Конец нового мирового порядка» (New York Times, 5 мая), «Готовы ли мы принять новый мировой порядок?» (Forbes, 22 мая), «Гонконгский кризис и новый мировой порядок» (BBC, 2 июля), «Новый мировой порядок — это беспорядок» (Canada's National Observer, 20 мая), «Старый Новый Мировой Порядок» (Wall Street Journal, 1 июля).

3. Среди которых — борьба за геополитическое влияние и рынки сбыта (особенно в сфере энергоносителей и вооружения), усугубляющееся экономическое неравенство как внутри отдельных стран, так и на мировом уровне, неконтролируемая миграция (вызванная военными конфликтами и бедностью), расовые и этнические конфликты и многие другие проблемы.

ные способы концептуализации как недавнего прошлого, так и актуального настоящего.

Непосредственным поводом к написанию этого текста послужили две статьи швейцарского исследователя Мартина Мюллера (одна из которых публикуется в данном номере) (Мюллер, 2019; Мюллер, 2020). Оба текста, несмотря на различие теоретических фокусов, — комплементарны, поскольку речь в них идет о необходимости концептуальной перезагрузки и поиске новых категорий анализа в отношении бывшего Второго мира и постсоциалистического региона.

Статья «Прощай, постсоциализм!» (Мюллер, 2019) представляет собой всесторонний анализ генеалогии, методологической состоятельности и теоретической жизнеспособности термина «постсоциализм». Его критика включает в себя пять аспектов: это термин, который отсылает к «исчезающему объекту»; делает акцент на разрыве, а не на преемственности; создает «территориальную ловушку»; опирается на «ориенталистскую систему знания»; и накладывает ограничения на рефлексию о возможном политическом будущем. Учитывая, насколько обширным является количество академических публикаций, посвященных постсоциалистическим трансформациям (здесь я имею в виду исследования как западных, так и восточноевропейских теоретиков в разных областях знания), кажется поразительным то, что в рамках одной статьи Мартину Мюллеру удалось осуществить концептуальное картирование этого сложного и разнообразного исследовательского ландшафта.

Стоит также отметить, что панорамирующий взгляд автора устремлен не в прошлое, а в будущее: критика концепта постсоциализма открывает возможность для поиска и утверждения альтернативного проекта, «который будет по-прежнему учитывать различие, но на первый план выносить связи и преемственность, расширять политические границы и строить теорию не просто об этом мире, но исходя из его опыта и вместе с ним» (Мюллер, 2019). Под «этим миром» он имеет в виду не только страны Восточной Европы и бывшие республики СССР. Важно понять, каким образом эта концептуальная перезагрузка отразится на «положении всего остального мира» (Мюллер, 2019). Ответ на эти вопросы автор предлагает в своем втором тексте «Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Западом» (Мюллер, 2020).

Как отмечает Мюллер, «крах социализма стал не только серьезным политическим и экономическим вызовом, но и интеллектуальным» (Мюллер, 2019). Дискуссии по поводу «постсоциализма» как полезной или (уже) бесполезной категории анализа не прекращались все эти годы, но именно в последнее десятилетие (по мере «исчезновения объекта») стала нарастать неудовлетворенность в отношении концептуального аппарата, сложившегося в 1990-х годах.

Например, в 1990–2000-х годах одним из наиболее востребованных подходов в анализе постсоциалистических трансформаций являлась концепция «path dependence». История по-прежнему имеет значение (history matters), но в какой мере сегодняшние проблемы и противоречия в экономике или политической жизни

могут быть объяснены отсылкой к социалистическому прошлому? Для современной Беларуси, застрявшей где-то посередине между государственным социализмом и государственным капитализмом, эта объяснительная модель все еще актуальна, но как насчет Литвы, Польши или Украины?

Другим примером может быть термин «пограничье» (Borderland), который активно использовался в 2000-е годы как своего рода концептуальная альтернатива «постсоциализму» в отдельно взятом регионе. Этот термин, с одной стороны, обнулял социалистическое прошлое (он не содержит временных референций), а с другой — определял место новых Других в изменившейся системе геополитических координат, локализуя их в пространстве искусственно созданного региона⁴. С моей точки зрения, этот конструкт создавал еще одну «территориальную ловушку». Словом, вопрос о категориальной сетке, которую мы набрасываем на нашу сегодняшнюю действительность, назрел.

Высокая степень саморефлексивности Мюллера в отношении собственной позиции как актора-наблюдателя, который находится и работает в пространстве *in-between*, между «бывшим» Западом и «новым» Востоком, делает его почти неуязвимым для критики, хотя он готов к тому, что «в ответ на критику постсоциализм начнут реанимировать» (Мюллер, 2019).

Соглашаясь со многими тезисами автора, я хотела бы тем не менее сформулировать ряд дополнительных вопросов, касающихся связи между производством знания и геополитикой в социальной эпистемологии постсоциализма. Мой исследовательский интерес к этой проблеме сложился достаточно давно, поэтому в ходе обсуждения для меня важно также переосмыслить и развить некоторые идеи, связанные с интерпретацией процессов, происходивших в Восточной Европе после коллапса социализма, которые были мною сформулированы в других, ранее опубликованных статьях (Усманова, 2002, 2007; Ousmanova, 2003, 2009, 2018).

В своем тексте я хотела бы обсудить вопрос о том, почему концепт «постсоциализм» сохраняет свою значимость для постсоветских политик знания и какую

4. Восточная Европа *de facto* перестала быть единым постсоциалистическим пространством в 2004 году, когда ряд государств в этом регионе вошли в состав ЕС. С учетом новой геополитической реальности и появления новых границ (Шенгенская зона), за которыми Европа заканчивалась, европейские политики разработали программу «европейского соседства» (European Neighbourhood Policy), призванную содействовать более тесному сотрудничеству между ЕС и соседними странами в области политики, безопасности, экономики и культуры. На Востоке новыми соседями (и новыми друзьями) ЕС стали Беларусь, Украина и Молдова. Исследования этого региона вскоре стали одним из приоритетных направлений финансирования научных проектов. Но если европейские фонды продвигали повестку пограничья именно в аспекте взаимодействия с ЕС (European Borderland), то некоторые американские фонды были нацелены, скорее, на поддержку проектов, которые формировали бы новые связи между Украиной, Молдовой и Беларусью, но блокируя в рамках таких проектов возможность сотрудничества с Россией. Одним из таких проектов был исследовательский центр CASE, созданный в Минске при поддержке Фонда Карнеги (www.case-border.org), который активно поучаствовал в изобретении традиции исследования пограничья. Примечательно, что несколько изданий в рамках книжной серии этого центра были посвящены именно сравнительному анализу политик знания в этом «регионе», трансформации академических дискурсов, формированию научных сообществ и т. д. (см. более подробно здесь: <https://ru.ehu.lt/publications/>).

роль в их формировании играют локус высказывания и теоретическая ангажированность исследователей. Вслед за Донной Харауэй, которая ввела понятие «ситуативно обусловленного знания» («situated knowledges»: Haraway, 1988), я исхожу из того, что все знания несут на себе отпечаток места/положения/ситуации, в которой они производятся.

Поэтому для начала я должна сказать о том, что я также занимаю позицию включенного наблюдателя, находящегося в пространстве in-between. Это пространство, с одной стороны, кажется достаточно маргинальным, так как находится на значительной дистанции от глобальных центров политико-экономической власти и дискурсивной гегемонии, а с другой стороны, оказывается чуть ли не эпицентром горячих дискуссий об имперских амбициях, угрозах поглощения, оккупации, нападения с «Востока» (подразумевается Россия, воспринимаемая как правопреемница и Российской империи, и Советского Союза) или же политического доминирования и экономической зависимости от «Запада» (будь то ЕС, НАТО или США), что вызывает вопросы, связанные с национальным суверенитетом.

Я полагаю, что периферийный взгляд обеспечивает определенное эпистемологическое преимущество, давая возможность наблюдать и сравнивать процессы десоветизации и прощания с постсоциализмом в политике, в академической среде и медиадискурсе в Литве и Беларуси, но также с оглядкой на соседние страны (Россия, Украина, Польша). «Привилегия частичной перспективы» (Haraway, 1988) позволяет увидеть под определенным углом зрения нечто иное — то, что остается невидимым или просто незамеченным, когда высказывание о прошлом или настоящем маскируется под универсально истинное и объективное утверждение, эманулирующее как будто бы из глобального «ниоткуда».

Географии и поколения

Среди факторов, обуславливающих явно или неявно наши теоретические взгляды на проблему постсоциализма, имеют значение и гражданство, и исследовательский опыт, и лингвистический фактор, и институциональная аффилиация, и профессиональный статус, и уровень доходов, и гендерная идентичность, и многое другое. Но решающую роль, скорее всего, играет смена поколений.

Академическая карьера теоретиков, обсуждавших постсоциалистические трансформации в 1990-х годах, как на Западе, так и на Востоке, начиналась в условиях конкуренции двух политических систем, разделенных железным занавесом. Опыт первого поколения исследователей постсоциализма в восточноевропейских странах по-прежнему важен, к нему можно и нужно возвращаться для переосмысления в свете новых реалий и меняющихся интерпретативных парадигм вопроса о том «Что это было?». Здесь личное (как биографическое) и политическое тесно переплетены.

Для исследователей из постсоветского пространства резкий переход в другую экономическую и политическую реальность обозначил границу между прошлым и настоящим: люди, родившиеся в СССР, вдруг оказались гражданами совсем других государств. Утвердившиеся в некоторых из постсоветских стран новые авторитарные режимы (например, в Беларуси — стране, которой бессменно правит один и тот же президент уже на протяжении 26 лет) успешно эксплуатируют эту историческую травму и сохраняющуюся экзистенциальную растерянность представителей старших поколений, многие из которых до сих пор не могут принять новые идентичности.

Между тем у нового поколения исследователей этих травматических воспоминаний нет, как нет и личного отношения к прошлому. Поэтому вполне объяснимо то, что для них интерпретативные схемы, удерживающие в своей этиологии родовую травму социализма, действительно выглядят как неуместный анахронизм, к которому можно относиться как к «историческому чувству», которое тоже осталось в прошлом (особенно если исследовательские интересы напрямую не связаны с изучением советского периода). Для большинства молодых людей, живущих на этой территории, проблема *некогда общей* «Родины» не существует даже в виде исторических реминисценций. Вернее, эта тема может породить лишь негативные коннотации как отсылка к одному из прежних имперских образований, а тема «общего дома» чаще всего имеет отношение либо к европейскому прошлому (например, к истории Великого княжества Литовского или Речи Посполитой), либо к европейскому настоящему (ЕС).

Важно отметить, смена поколений — это не только вопрос биологического возраста. Значимую роль в этом процессе сыграли институциональные изменения в сфере образования и трансформация академической культуры в Восточной Европе, несмотря на все различия между странами, вошедшими в ЕС и оставшимися за его пределами⁵.

После конца холодной войны интенсивность научных обменов между «бывшим» Западом и «новым» Востоком резко возросла. Но если в 1990-е восточноевропейские ученые в основном учились и переучивались, осваивая новые дискурсы и иные научные практики⁶, получая образование и защищая диссертации в западных университетах, то в 2010-е многие из них уже были активно включены в общество транснациональных интеллектуалов, участвуя в производстве знания на

5. В этом отношении сравнивать сегодняшнюю Литву и Беларусь практически невозможно: Литва давно уже стала частью европейского образовательного пространства, а белорусские университеты во многом выглядят как законсервированные образцы эпохи застоя, с обязательными курсами по истории Великой Отечественной войны и по белорусской идеологии, и с почти не изменившимися практиками администрирования.

6. В 1990-е годы в коммуникации с Западным миром постсоветские ученые выступали не в качестве экспертов и специалистов, а, скорее, в роли учеников и информантов. По словам Елены Трубиной, в сложившемся в мире разделении умственного труда постсоветским ученым отводилась «роль либо поставщиков сырого материала, предназначенного для интерпретации более интеллектуально искусственными специалистами, либо носителей специфического типа „локального знания“» (Трубина, 2002: 62).

международном уровне, в создании и укреплении глобальных научных обменов, не будучи при этом привязанными к одной культуре, одной стране или одному университету. Академический номадизм дал возможность выстраивать рефлексивную, метакультурную или эстетическую дистанцию к различным культурным опытам и практикам (Featherstone, 1995: 9).

Далее, важно также учитывать перезагрузку системы администрирования наукой, которая начала происходить в конце 1990-х годов и к настоящему моменту утвердилась в качестве нормы практически во всех университетах Европы (в том числе и за пределами ЕС). Внедрение наукометрических показателей для оценки научной эффективности ученых, происходившее особенно интенсивно в последнее десятилетие, являлось частью «более широкой трансформации социальной структуры научных исследований в регионе» (Frankel, Cave, 1997: 1). «Эта система создает возможности часто именно для молодых исследователей, лучше знакомых с кодами и практиками англоязычной академии, но также она устанавливает превосходство через принуждение обслуживать и подчиняться дискурсу, термины которого распространились повсеместно» (Мюллер, 2019). Унификация и квантификация научных показателей сделала условия включения локальных исследователей в новый мировой академический порядок более прозрачными и одновременно более жесткими. Все это, вместе с механизмами грантовой политики ЕС, поощряющими международное сотрудничество в сфере реализации научных проектов, содействовало установлению более равноправных условий коммуникации в академическом мире (по тем правилам, которые были обозначены выше). Но одновременно именно в этой ситуации наиболее рельефно проявился академический капитализм, который «смотрит на Восток все больше и больше через метрику, требующую подчинения академической системе, в которой доминируют западные, в особенности англоязычные школы» (Там же, 2019). Парадоксальным образом английский язык оказался одновременно средством политической и теоретической эмансипации ученых из восточноевропейских стран (1990-е годы) и инструментом теоретической ре/колонизации (2000-е годы). Впрочем, он стал основным языком не только в коммуникации между интеллектуалами из бывших советских стран, но также и в глобальном академическом пространстве.

Таким образом, основной причиной, обуславливающей желание поскорее проститься с постсоциализмом, является фактор смены поколений как среди представителей новых политических элит, так и в академической среде, причем не только в Восточной Европе. Это поколение, для которого «социализм уже не является ключевым критерием, в соответствии с которым следует анализировать социальные миры бывших соцстран» (Там же, 2019). Мюллер упоминает в этой связи работу Кэролайн Хамфри, написанную в 2001 году, которая связывала недолговечность этого термина также со сменой поколений: «Когда поколения рожденных в социалистических режимах уйдут с политической сцены, есть все основания полагать, что категория постсоциализма распадется и исчезнет» (Humphrey, 2001: 13). Я ду-

маю, что этот момент наступил, и именно в этом я усматриваю симптоматичность появления текста Мартина Мюллера на исходе 2010-х годов.

К вопросу об ангажированном знании

Политики знания формируются не в стерильном пространстве научного мира, во многом они зависят от той конъюнктуры, которая определяется политической повесткой дня. Для первого поколения академических исследователей в Восточной Европе вопрос об отношениях между академией и политикой, идеологией и наукой казался неуместным. Избавление от марксизма и всего, что с ним было связано, многими было воспринято как возвращение идеалов академической свободы. Однако довольно скоро место марксизма-ленинизма было занято другими идеологиями, а влияние гегемонных дискурсов теперь осуществляется в якобы деидеологизированной реальности множеством других способов. Как правило, это происходит опосредованно, в первую очередь через механизмы финансирования научных исследований государственными и частными фондами. Интерпелляция осуществляется посредством формулирования приоритетных тем, определяющих социальный заказ⁷.

Современная ситуация в Восточной Европе существенно отличается от того, что происходило в 1990-е годы, когда можно было говорить об общем дискурсивном пространстве и солидарности постсоветских гуманитариев и социальных исследователей. Накопившиеся за тридцать лет раздельного существования взаимные претензии между бывшими советскими республиками, вызванные экономическими войнами (например, в газовом вопросе), военными конфликтами, формированием новых политических альянсов, в значительной мере усилили степень разобщенности и в академической среде. Геополитическое напряжение между основными акторами глобальной политики привело к расколу среди сильно политизировавшихся постсоветских и восточноевропейских интеллектуалов, о чем можно судить как по академическим публикациям, так и по характеру дискуссий в социальных медиа. Поляризации мнений содействуют также активизация крайне правых, усиление авторитарных тенденций, поощряемые на государственном уровне проявления шовинизма, ксенофобии, консервативного национализма и неопатриархата. В этом контексте вопрос о самоидентификации, языке коммуникации и политиках имени — это не только вопрос размежевания с прошлым, это отражение стремления отстоять и защитить эти границы в настоящем.

7. Наиболее очевидным примером здесь будет возросшее после событий 2014 года значение украинской повестки дня в программах финансирования исследовательских проектов и центров, в тематике многих конференций и летних школ, в создании специальных исследовательских программ и учреждении преподавательских позиций, равно как и в поддержке студенческих обменов. Другим, более свежим примером является финансирование исследований (в том числе и в социогуманитарных науках) всего, что связано с COVID-19.

Говоря о социальной и политической детерминированности исследовательского взгляда, важно иметь в виду и более тонко завуалированную связь между политическими идеологиями и *идеологиями теорий*⁸.

В том, что исследователи, живущие и работающие в Восточной Европе, воспринимают его как пространство множественных «пост-», не редуцируемых к общему и единому знаменателю, большую роль играет именно теоретическая оптика. Социальные исследователи из постсоциалистического региона стремятся найти/вернуть своим странам место на карте и в истории с помощью различных концептуальных подходов, которые вовсе не являются политически нейтральными.

Размышляя о том, в какой степени исследовательская программа приводится в действие идеологиями теорий, я полагаю необходимым обсудить здесь вопрос об ангажированном знании. Под «ангажированностью» я понимаю отнюдь не партийную принадлежность, хотя именно таким образом это слово может быть воспринято исследователями из Восточной Европы, которые не забыли о том, насколько идеологизированным являлось производство знания об обществе в условиях доминирования марксизма-ленинизма. Ангажированность означает выбор той или иной теории в пользу определенного взгляда на мир и на способы его исследования. В том, какие отношения мы выстраиваем со своим исследовательским объектом, большую роль играют теоретическое позиционирование, эмоциональная вовлеченность и политическая рефлексивность. «Ангажированным» в определенном роде является любое знание: осознание и принятие этой обусловленности позволяет распознать идеологичность теории не только в марксизме или феминизме, но и в любой другой теории.

Стоит в этой связи отметить, что проблемы соотношения знания (науки) и идеологии, соотнесенности теории с политической ангажированностью сегодня и на Западе и на Востоке обсуждают главным образом представители левых дискурсов. Внимание к позиции «говорящего субъекта» и критический анализ идеологий теории характерны не только для марксистской традиции, но также и для феминистской и постколониальной теории. Эпистемологическая саморефлексия важна в первую очередь для тех традиций, которые были и остаются чувствительными к социальному неравенству, к имплицитным и эксплицитным формам дискриминации и молчанию тех, кто не может говорить от своего имени.

Проблема ангажированности знания очень рельефно проявляется в дискуссиях о советском и постсоветском. Как пишет Мартин Мюллер, постсоциализм «сопряжен с определенной эпистемологической, географической и политической парадигмой, накладывающей ограничения на то, что и как можно (и нельзя) подразумевать» под этим термином (Мюллер, 2019). Здесь нейтральная позиция почти непредставима: политическое бессознательное академических дискурсов проявляется в выборе теоретических подходов, эмпирических методов и применяемом концептуальном инструментарии. Идеологии теорий обнаруживают себя

8. Выражение «идеологии теории» я заимствую у Фредрика Джеймисона (Jameson, 1988).

в самом способе постановки вопросов. Какие исследовательские вопросы мы формулируем в отношении истории формирования наций, проблемы эмансипации и гендерных порядков; как мы объясняем связь между развитием технологий, политическими режимами и социальным прогрессом; что мы называем ре- и деколонизацией в различных контекстах; как конструируются исторические каноны в разных областях знания, есть ли будущее у «коммунистической гипотезы», как происходят революции и т. д.? В зависимости от интерпретативной оптики мы получаем разные ответы также и на вопросы о том, наступило ли время сказать «Прощай, постсоциализм!», или насколько полезной является категория «Глобального Востока» в современных обстоятельствах.

На мой взгляд, в постсоциалистическом пространстве наиболее влиятельными парадигмами ангажированного знания стали *методологический национализм, гендерные исследования и деколониальный дискурс*, и в контексте данной статьи меня интересует, какие эпистемологические и политические эффекты они производят, когда применяются для анализа «постсоциалистического состояния» (Н. Фрейзер).

Следует отметить, что эти объяснительные модели утвердились на руинах ортодоксального марксизма, заняв его нишу в академическом пространстве, однако те изменения, которым подверглась академия в условиях консервативного поворота, поставили их в неравные условия. Постсоциалистические трансформации привели к тому, что почти повсеместно господствующей догмой стал национализм. В результате гендерные исследования (вместе с феминистской теорией) оказались практически выдворенными из «храмов науки»: в одних странах они были заменены патриархальным «семьеведением» (Россия), а в других и вовсе запрещены (Венгрия⁹). Постколониальный дискурс получил распространение главным образом в бывших советских республиках, кое-где вступая в политический альянс с методологическим национализмом, так как основным объектом критики в большинстве случаев выступает не Запад, а советское как «имперское». В России же по понятным причинам постколониальной теории в университетах места нет¹⁰.

Методологический национализм и призраки социализма

Анализируя дискуссии о полезности «постсоциализма» как аналитической категории, Мартин Мюллер обращает внимание на то, что «особенно за пересмотр термина, в разработке которого они почти не участвовали, выступали ученые из постсоциалистических обществ» (Мюллер, 2019). Это, конечно же, не случайно. На

9. Правительство Виктора Орбана закрыло гендерные программы в августе 2018 года. Очень похожие процессы происходят сейчас и в Польше.

10. В то же время российские исследователи, критически настроенные к консервативному повороту, развивают постколониальную критику, но происходит это не в рамках образовательных курсов. В качестве примера см. недавно вышедший тематический номер журнала «Новое литературное обозрение» (№ 161, 2020), который целиком посвящен проблеме «Постсоветского как постколониального»).

мой взгляд, здесь имеют значение два обстоятельства: во-первых, это стремление ученых из бывших соцстран обрести голос в качестве равноправных участников научных дискуссий на нейтральной территории; и во-вторых, утверждение методологического национализма в локальных академических средах.

Возникшие после распада социализма линии фронта, прочно закрепившись на границе между Россией и «новым» Западом к концу 2010-х годов, привели к утрате как общего языка коммуникации, так и *общего места высказывания*. Постсоветский регион больше не является пространством универсализирующих нарративов, с разделяемыми значениями одних и тех же слов. Границы постсоветского пространства определены прошлым, которого больше нет, а сам термин навязывает травматическую общность всем тем, кто хотел бы о ней забыть как о дурном сне. Казавшаяся общей до недавних пор (во всяком случае, до середины 1990-х годов) история превратилась в объект для национализации и приватизации, став одним из главных инструментов политических манипуляций во всех без исключения странах. Таким образом, «пока западноевропейский дискурс настаивает на постсоциалистической идентичности Восточной Европы, в ней самой исторический проект коммунизма часто отвергается» (Сосновская, Борисенко, 2017).

Упомянутый мною ранее консервативный поворот в социогуманитарном знании тесно связан с утверждением «методологического национализма» как доминантной интерпретативной парадигмы в постсоциалистических странах. Согласно Ульриху Беку, в ее основании лежит представление о том, что «национальное государство и общество являются „естественными“ социально-политическими формами современного мира» (Бек, 2012: 36) и что «общество или социальная группа обладает своей „собственной“, отграниченной от других культурой» (Бек, 2001: 120). Локальная культура преподносится как результат исключительно местных традиций и образования. По мнению немецкого социолога, «взгляд с позиций национального государства на общество и политику, право, справедливость и историю определяет политологическое и социологическое воображение», влияя на базовые определения таких понятий, как «общество, класс, государство, демократия, семья, воображаемое сообщество» (Бек, 2012: 37).

Бек полагал, что парадигма методологического национализма была характерна (и по-своему прогрессивна) для развития социальных наук в XIX столетии. Однако в XXI веке, в эпоху глобализации, нужна совсем другая теоретическая перспектива. А как обстоит дело с космополитической перспективой в постсоветских странах?

В 1990-е годы социальные и гуманитарные науки в постсоветском пространстве были пропитаны духом постмодернистского недоверия к «великим повествованиям» (Ж.-Ф. Лиотар). Но буквально в течение десятилетия после коллапса социализма на его руинах проросли и утвердились новые/старые метанарративы — о страдающих или победоносных нациях, возрождении и возвращении, об освобождении и независимости, о разрушении или же восстановлении великих

империй (в их современных воплощениях). В процессе своего возвращения они «изменились, обрели новое место и интенсивность» (Нейра, 2015: 180). Бои за историю разворачиваются повсеместно — в киберпространстве, в парламентах, на телевидении, в кино, в школах и музеях¹¹. Сложно не заметить, что «переопределение, переосмысление и присвоение истории — это важнейший фактор политической борьбы в текущий момент» (Мамедов, 2016).

Национализм как идеология достаточно монолитен, но может принимать разные формы, проявляться в различных констелляциях с другими идеологиями и по-разному использоваться, в зависимости от ситуации в политическом поле. Его доминирование обусловлено тем, что это единственная идеология, обеспечивающая «хотя бы какую-то степень социальной общности» (Гройс, 2007), или, как это сформулировал польский социолог Ян Сова, национализм создает «фигуры ложного единства» (Saifullayeu, 2017: 51). Подобно тому, как в советские времена производство знания в социальных и гуманитарных науках всецело определялось идеологической оптикой марксизма-ленинизма, в настоящем национализм стал доминирующей теоретической оптикой в изучении настоящего и прошлого, играя значительную роль в перекодировании культурной памяти постсоветского субъекта.

Националистические исторические нарративы полны дискурсивных пробелов и логических противоречий, но, как и любая другая идеология, национализм стремится создать целостную, однородную, универсальную картину мира, сделав Другого невидимым и опасным¹². Великие повествования репрессивны по самой

11. Объектом присвоения и перекодирования сегодня может стать все что угодно, включая цветовую семантику. Это происходит даже в Беларуси, которую нередко называют последним оплотом социализма в Европе. Так, совсем недавно в Национальном художественном музее Беларуси прошла выставка под названием «Красный код нации» (<https://www.artmuseum.by/ru/vyst/tek/krasnyj-%E2%80%93-kod-naczii.-sakralnost,-estetika,-vlast.html>). Однако это почти революционное название не имело ничего общего с «размышлениями в красном цвете» (если использовать название одной из книг Славы Жижека). На постере выставки были изображены крест, орнамент и корона. Красный как цвет коммунизма и символ интернационализма в кураторской экспликации не упоминался вовсе. Серп и молот здесь явно были неуместны, поскольку, по замыслу организаторов, красный цвет всегда являлся одним из символов автохтонной белоруской нации. В этом жесте избирательной амнезии политическое бессознательное проявляет себя как намеренное замещение и вытеснение памяти о советском в нарративе независимой Беларуси. Однако здесь стоит заметить, что в контексте революционных для Беларуси событий лета и осени 2020 года (которые уже можно считать своеобразным прощанием с постсоциализмом, в той его версии, которую представляет собой уходящий белорусский авторитаризм во главе с А. Лукашенко) политическая семантика красного цвета приобрела новые смыслы — в зависимости от сочетания с зеленым или белым: белый и красный цвета стали символами протеста (будь то исторический флаг (БЧБ), граффити, перекрашенные скамейки, деревья, стены домов, губная помада, цвет волос, аксессуаров или одежды протестующих), а красно-зеленые цвета (КЗ) государственного флага теперь воспринимаются (и будут восприниматься в будущем) как воплощение государственного насилия (физического и символического), правового коллапса и добровольной сервильности сторонников режима Лукашенко.

12. Между тем постмарксистские теоретики, переосмыслив исторический опыт тоталитаризма, оказались наиболее последовательными преемниками постмодернистских идей: вместо Единого и Универсального современный марксизм выводит на первый план сингулярности, дивидуальности и множества.

своей сути: господствующий метанарратив всегда вытесняет другой, заменяя его собственной понятийной матрицей и ценностными установками.

Утверждая, что сегодня в политическом дискурсе, медиа- и массовой культуре постсоциалистических стран Восточной Европы господствует национализм, мы должны рассматривать причины его утверждения комплексно. Если взглянуть на эти причины не с точки зрения «интересов нации» и ее фундамента — государственной независимости, а под другим углом зрения (например, с позиций марксизма и феминизма), тогда обнаруживается иная логика причинно-следственных связей. Когда в бывшем советском пространстве на смену социализму пришел стихийный капитализм, рынок стал главной идеологемой и фетишем. Сегодня сказанное вслух о неразрывной связи между чьими-либо экономическими интересами и политическими действиями почти автоматически будет интерпретироваться как вызов демократическому порядку. Национализм продвигает идею нации как гомогенного целого, маскируя социальное неравенство и классовое расслоение. Нарратив единой нации требует стирания всех других идеологических разногласий и нивелирования, а точнее, натурализации социальных различий внутри самой нации (нация едина, но в то же время некоторые «равнее других» будто бы по своему происхождению). И вовсе не случайно «советское» в дискурсе национализма трактуется исключительно как «имперское».

Обсуждая вопрос о том, каким образом идеология рынка переструктурирует историческую память о социализме, Кристен Годси отмечает, что в этой системе координат, во-первых, любое движение к перераспределению и отказу от свободного рынка рассматривается как коммунистическое; во-вторых, что-либо коммунистическое неизбежно ведет к классовым репрессиям; и в-третьих, что классовая борьба является моральным эквивалентом Холокоста (Ghodsee, 2014: 135).

Соответственно, коль скоро коммунизм был и остается главным идеологическим противником национализма¹³, то можно сказать, что избавление от «постсоциализма» окончательно сотрет память о том, что ему предшествовало, а сам социализм станет случаем невостребованного наследства, что, по сути, уже произошло. К настоящему моменту в большинстве стран Восточной Европы утвердился такой взгляд на историю культуры в период социализма, согласно которому в ней были (точнее, остались) только субъекты сопротивления, действовавшие исключительно вопреки системе. В этом утвердившемся каноне истории об альтернативной культурной сцене, о писателях-диссидентах, о месте религиозных культов в поддержании протестных настроений, о локальных версиях авангарда и т. д., по сути, представляют нам историю социализма без социализма.

13. Быть коммунистом — значит «предать» свою нацию, отречься от национальной принадлежности. Быть националистом — значит отрицать коммунистическую идею о постепенном и неизбежном исчезновении наций. Национализм и коммунизм — это диаметрально противоположные идеологии еще и потому, что они обеспечивают легитимацию совершенно разным политическим и экономическим режимам (раз все люди разные по своему происхождению, то равенство по определению невозможно, а имущественное расслоение неизбежно и естественно).

Однако здесь необходимо добавить, что не только марксизм, но и феминизм (вместе с гендерными исследованиями) является объектом отторжения для методологического национализма, как в связи с его «западным» происхождением, так и по причине его политической повестки: «Гендер стал почти ругательством в устах политических популистов, которые противопоставляют его традиционным ценностям и культурной специфике в попытках мобилизовать национальные сообщества» (Коуп, Минченя, Сасункевич, 2017: 13).

Феминистский взгляд на мир без пост/социализма

В рамках этого раздела я хотела бы взглянуть на проблему постсоциализма с точки зрения гендерных исследований, тем более что этот ракурс позволяет расширить наше понимание того, что стало с бывшим Вторым миром.

Тезис о том, что «женский вопрос» является универсальным индикатором социального прогресса, был сформулирован европейскими социалистами еще в XIX веке. Впоследствии он стал определяющим не только для советского государства в области социальной политики, но также одним из факторов конкуренции в состязании двух систем (капитализма и социализма) в условиях холодной войны. Характеризуя ситуацию с гендерным равенством в постсоциалистическом пространстве после 1991 года, Роберт Коннелл отмечал, что «установление капитализма в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе сопровождалось реставрацией доминантной маскулинности и в некоторых случаях резким ухудшением социальной позиции женщины» (Коннелл, 2001: 869).

Для гендерных теоретиков пост/социализм сохраняет свою актуальность, поскольку советские гендерные политики, взгляды социалистических феминисток, история международного женского движения, объединявшего женщин из стран Первого, Второго и Третьего миров, представляют собой не только уникальный исторический опыт, но во многом также рассматриваются как более прогрессивные, чем тот гендерный порядок, в котором патриархат и расизм оказываются неразрывно связанными с капитализмом, колониализмом, неолиберализмом и национализмом.

Не имея возможности рассматривать здесь этот вопрос детально, отмечу, что количество текстов, посвященных гендерным политикам при социализме, постоянно растет. Новые публикации (такие, например, как недавние тексты американской исследовательницы Кристен Годси (Ghodsee, 2018, 2019)) возвращают нам ту Историю и такие истории, которые, как могло показаться не гендерным теоретикам, уже давно не актуальны (как, например, история международного женского движения в период холодной войны, о котором идет речь в ее книге «Второй мир, второй пол»).

При этом феминистские теоретики анализируют не только локальные трансформации в изменении гендерного порядка, но постоянно удерживают в поле зрения и привлекают внимание к тем процессам, которые происходят в бывших

советских республиках к югу и востоку от Урала, в регионе, который в первые годы советской власти получил название «Красный Восток». В имагологическом Воображаемом бывших советских людей образ Красного Востока неразрывно связан с культовым советским фильмом «Белое солнце пустыни» (В. Мотыль, 1969). В контексте обсуждаемых здесь вопросов этот фильм заслуживает упоминания, так как в нем представлен практически весь спектр, а главное — артикулирован политический смысл тех социальных преобразований, которые новая власть попыталась осуществить в этом регионе, и особенно важной темой здесь является предпринятое «освобождение закабаленных женщин Востока». Проект советской модернизации должен был положить конец прежней классовой структуре и порожденным ею формам экономической эксплуатации и социального неравенства. Советская власть стремилась утвердить светское образование и прогрессивную гендерную социализацию в соответствии с принципом равенства полов в получении социальных и экономических благ и распределении политической ответственности.

Необходимо отметить, что в тех странах Восточной и Центральной Европы, которые вошли в состав Европейского союза в 2004 году, ситуация с гендерным равенством за эти годы значительно изменилась в лучшую сторону. Помимо структурных изменений в экономике и трансформации политических институтов в Восточной Европе под патронажем ЕС самую важную роль в этих изменениях играет политика *gender mainstreaming*, которая была признана одним из ключевых приоритетов ЕС во всех сферах (от образования до политики в области репродуктивных прав). При этом я хотела бы отметить, что, во-первых, именно в этом вопросе мы можем увидеть, каким образом в политике ЕС представлены традиция и программа европейских левых и социалистического феминизма, несмотря на то что в целом концепция Евросоюза изначально базировалась на приоритете экономических интересов и рыночной идеологии. Во-вторых, мы можем также видеть, какую роль играет юрисдикция (вкуче с финансовыми инструментами) Европейского союза в восточноевропейских странах, поскольку даже те национальные правительства, которые пытаются реставрировать или сохранить патриархальный *status quo* (в вопросах о домашнем насилии, правах сексуальных меньшинств, области репродуктивных прав или в сфере семейного законодательства), должны придерживаться тех норм и принципов, которые заложены в основу общеевропейской политики. Значение и эффективность мер в реализации программы утверждения равных прав и возможностей, принимаемых в ЕС, становятся особенно заметными по мере перемещения на Восток. И чем дальше на Восток, тем, к сожалению, это все более очевидно.

Несмотря на различия, которые существовали в советское время и еще более рельефно обозначились в постсоветский период, например между Азербайджаном и Туркменистаном, можно обнаружить немало общего в том, что касается разрушительных последствий распада социалистической системы распределения социальных благ, обеспечения равных возможностей в сфере политических и ре-

продуктивных прав, доступа к образованию, системе здравоохранения и многого другого для женщин и мужчин, детей и пожилых людей, а также представителей религиозных, этнических и сексуальных меньшинств¹⁴. То, что политэкономия социализма изучала как «многоукладную экономику», рассчитывая на ее скорую модернизацию, в период транзита стало еще более многоукладным в плане своей внутренней противоречивости. Самые передовые технологии используются теперь в такой системе отношений, которую было бы правильнее описать как «назад к феодализму», чем «вперед к светлому капиталистическому будущему». Сегодня бывший Красный Восток — это пространство, в котором мы можем наблюдать почти повсеместное возвращение религиозного фундаментализма и патриархата¹⁵.

Для экономистов и политологов эти обстоятельства, может быть, не имеют значения, поскольку их интересует в первую очередь динамика политических трансформаций и эффективность экономических реформ в контексте перехода от государственного социализма к рыночной экономике, но для гендерных теоретиков важнее то, что происходит за фасадом этих реформ в локальных контекстах, и каким образом эти процессы сказываются на положении женщин. По мнению Роберта Коннелла,

неолиберальная повестка дня была и остается лишь в незначительной степени повернута к проблемам гендера: она говорит на гендерно-нейтральном языке «рынков», «индивидуумов», «выбора». Но мир, в котором неолиберализм является господствующим, все равно остается гендерным миром, как и сам неолиберализм, естественно, имеет собственные имплицитные гендерные политики. Однако «индивид», основное действующее лицо неолиберальной теории, имеет качества и интересы мужчины-предпринимателя. (Коннелл, 2001: 869)

Международные организации и структуры часто не обращают внимания и стараются обходить в их отношениях с местными режимами скользкие вопросы

14. Здесь я хотела бы вспомнить о проекте «Гендерный формат», который был осуществлен при поддержке Женской сетевой программы Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в начале 2000-х гг. Этот критичный, феминистский, социально значимый проект реализовывался в течение трех лет в 12 странах. В 2000–2003 гг. постсоветский регион воспринимался западными фондами как гетерогенное, но все еще «скованное одной цепью» пространство, скрепой для которого являлись постсоветские трансформации. Сегодня мы вряд ли можем себе представить ситуацию, при которой в рамках одного исследовательского проекта (даже по гендерной тематике) могли бы *на равных* встретиться гендерные исследователи из Эстонии, России, Украины, Литвы, Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана и т. д. Думаю, это очень симптоматично, с учетом формирования тех невидимых, но почти непроницаемых границ, которые разделяют сегодня все эти страны, даже когда речь идет о сообществе гендерных исследователей, наиболее сплоченном и солидарном.

15. В этой связи было бы интересно представить, кто мог бы быть адресатом и какие выводы по сравнению с нынешней ситуацией сделали бы современные читатели книги немецкой исследовательницы Фаннины Халле «Женщины на Советском Востоке», опубликованной в 1930-е гг. (Halle, 1938), в которой она рассматривала модернизационные сдвиги в положении женщин этого региона после установления советской власти.

гендерного неравенства и усиления религиозного фактора. Кроме того, западные инвесторы извлекают из такого положения дел собственные и немалые выгоды, интересуясь в первую очередь низкой стоимостью человеческого капитала и наличием природных ресурсов.

Здесь также стоило бы отметить, что в контексте дискуссий о деколонизации очень важно соотносить происходящее сейчас в бывших советских республиках Средней Азии с теми процессами и проблемами, которые феминистские критики глобализации подвергли всесторонней критике еще несколько десятилетий назад. Сначала «процесс деколонизации разрушил гендерные иерархии колониального порядка», но «почти через полвека после основной волны деколонизации старые иерархии отлились в новые формы». Проекты модернизации, нацеленные на то, чтобы превратить страны Третьего мира в развитые государства с капиталистическим рынком, «в целом лишь ослабляют позиции женщин, в то время как возрастание неконтролируемой власти транснациональных корпораций отдает стратегическую власть в руки избранных групп мужчин» (Коннелл, 2001: 869).

В ряде бывших советских республик в Средней Азии мы можем наблюдать процесс неокolonизации: реставрация традиционного уклада жизни, вытеснение женщин в приватное пространство и многое другое происходит за фасадом политических и бизнес-проектов, которые ТНК и международные фонды реализуют в этом регионе. Феминистские теоретики давно сформулировали фундаментальные принципы критики WID (Women in Development) проектов, указав, что их единственная цель — это продвижение капитализма. Помощь женщинам Третьего мира нацелена на устранение ряда побочных негативных эффектов, появившихся в результате неolibеральной модернизации. Программы семейного планирования, помощи беременным женщинам и кормящим матерям, борьба с бедностью в развивающихся странах реализуются именно в этом направлении (Усманова, 2002).

Все вышесказанное дает возможность понять, каким образом связаны демократическая риторика, неolibеральные бюрократические процедуры и экономические и политические интересы в отношении развивающихся стран (бывшего Второго и Третьего миров).

Здесь я позволила бы себе сформулировать следующий вопрос: что означает прощание с постсоциализмом для женщин в бывших советских республиках (включая мусульманские регионы России), где «убийства чести», насилие в отношении женщин, договорные браки, раннее замужество, многоженство, невозможность получить образование и многое другое снова утвердились в качестве неоспоримой патриархальной «нормы»?

Для гендерных теоретиков из Восточной Европы (разделенных как границами, так и политиками знания, о которых шла речь выше) ответ на вопрос — «может ли история (советского) социализма все еще выступать в качестве объединяющего опыта, позволяющего говорить о некотором общем контексте, в котором развивались гендерные исследования на протяжении этого времени?» (Коуп, Минче-

ня, Сасункевич, 2017: 18) — является положительным и даже в каком-то смысле самоочевидным. Нас объединяет общая история постсоциалистических трансформаций и положение, в котором мы оказались сегодня: слишком много общего проявилось в трансформации гендерной повестки в этом регионе — «от эйфории 1990-х к антигендерной войне, объявленной гендерным исследованиям в России, Венгрии, Чехии и Польше» (Там же: 18) — и все эти тенденции заслуживают пристального внимания и анализа¹⁶.

Деколониальная оптика и детерриториализированный Восток

Я полагаю, что сегодня в дискуссиях о постсоциализме ведущую роль играет постколониальный дискурс. Он дал многим из нас язык самоописания и позволил взглянуть на постсоциалистические трансформации в критической перспективе и в глобальном контексте¹⁷.

Постколониальная теория — это, наверное, единственная теория, которая вобрала в себя исторический опыт стран Третьего мира, подвергнув критическому анализу историю империализма и колониализма во всех проявлениях (от экономической эксплуатации, расовой, гендерной и классовой дискриминации до менее очевидных, но не менее властных практик подчинения посредством языка, культуры и технологий), историю отношений между странами Второго и Третьего миров во второй половине XX века, а также историю теоретического осмысления возникавших при этом коллизий.

Одна из парадоксальных черт постколониальной теории проявляется в том, что, сформировавшись на пересечении влиятельных западных теорий — марксизма, постструктурализма (включая деконструктивизм), психоанализа и феминизма, она подверглась всесторонней критике скрытый европоцентризм этих и других научных дискурсов. Осциллируя между Востоком и Западом, она сохраняет этот критический импульс, поскольку без саморефлексии и проблематизации места познающего субъекта — как наблюдателя-исследователя, находящегося в определенной точке геополитического и академического пространства, при перемеще-

16. Здесь я цитирую вступительную статью к специальному выпуску журнала «Перекрестки», подготовленного моими коллегами к 20-летию Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университет. Тема номера — «Постсоциалистическое беспокойство: гендерные исследования в Восточной Европе в условиях консервативного поворота (к 20-летию ЦГИ ЕГУ)». Несмотря на юбилейный повод, номер отражает растущий пессимизм гендерных исследовательниц в отношении перспектив и возможностей для развития ГИ в период «после» постсоциализма. Авторами текстов, собранных в этом номере, являются гендерные теоретики, представляющие первое поколение постсоветских феминисток, и молодые исследовательницы, которые теперь живут и работают в Японии, Швеции, Норвегии и других странах Запада и Востока (https://ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/10/CrossRoad_2017_1_2.pdf).

17. Вопрос о возможности и уместности применения теоретической оптики Subaltern Studies к анализу постсоциалистических трансформаций я рассматривала в своем тексте «Восточная Европа как новый подчиненный субъект» (Усманова, 2007), а проблему деколониального поворота (на примере Беларуси и Литвы) — в недавнем тексте «Decolonising through Postsocialist Lenses» (Ousmanova, 2020).

нии которого меняется и взгляд на объект, и характер исследуемых вопросов, — оказалась бы под вопросом ее теоретическая идентичность.

Для постколониальных теоретиков вопрос об установлении «эпистемологических связей между геокультурным положением и теоретической продукцией» (Миньоло, 2004: 184) был и остается одним из самых важных. По этой причине постколониальная теория была воспринята и получила поддержку в постсоветском пространстве в первую очередь как эпистемологическая теория — как «критика определенной парадигмы знания, которая производит колониального субъекта и формы подчиненной рациональности» (Усманова, 2007: 106). Однако уверенность постколониальных теоретиков в том, что «аполитичного знания не существует» (Mohanty, 1984: 334), была здесь понята весьма специфическим образом.

Этот дискурс стал действительно глобальным, оставаясь в центре интеллектуальных дискуссий на протяжении нескольких десятилетий и объединив теоретиков из разных стран по всему свету на основе общей теоретической платформы. Коллапс социализма дал новый толчок для ее концептуального развития и дальнейшего распространения в странах бывшего Второго мира. Я думаю, что именно географическая экспансия постколониальных исследований и применение этой оптики к изучению стран, чей исторический опыт не был колониальным в классическом значении, способствовали тому, что трансформация теории и критика собственных оснований продолжилась в рамках *деколониального поворота* (decolonizing¹⁸).

Постколониальные исследования в том виде, в котором они сформировались в 1980–1990-е годы, подверглись критике за то, что этот «возвращающий взгляд» (проецирующий западную теорию на локальные практики) в определенном смысле воспроизводил «колониальность знания», которую сам же и критиковал (Тлостанова, 2012). Между тем систематическая и последовательная критика евроцентризма и западных моделей знания должны были рано или поздно дать результаты — так, чтобы исходным основанием для рефлексии являлись не западные реалии и концепции (преподносящие себя как универсально-критические), а локальные способы самоопределения и нарративы.

Здесь я хотела бы вернуться к вопросу о методологическом национализме, поскольку в странах бывшего СССР (оставшихся за границами ЕС) мы можем теперь наблюдать своего рода «асимметричное невежество» (как это определил Дипеш Чакрабартти [Chakrabarty, 2000: 27–28]) наоборот. Сказанное и написанное где-то «там» (на Западе) часто и намеренно игнорируется в работах, единственная цель которых заключается в доказательстве самобытности автохтонной культуры. Так, в России большое количество диссертаций и публикаций посвящено проблемам «русского цивилизационного кода», «духовного склада русского народа», «циви-

18. О «деколониальном повороте» написано достаточно много. Наиболее детально и глубоко эта проблематика представлена в работах Мадины Тлостановой, одной из самых авторитетных русскоязычных деколониальных исследовательниц (см.: Тлостанова, 2009, 2012; Tlostanova, 2017).

лизационным основам духовности русского народа» и т. д. Очевидно, что подобный подход делает ненужной и даже опасной деколониальную оптику, но также не оставляет никакой возможности для минимальной критической дистанции от гегемонной идеологии. Если «объективировать» методологический национализм с точки зрения деколониального дискурса, то станет более понятным стремление к утверждению национальной точки зрения в постсоциалистических странах. Ведь место на карте — это также и определенное место в истории (Mohanty, 1984), а нация в этом контексте оказывается наиболее устойчивой (по крайней мере, в воображении) точкой опоры.

Отмечая, что «падение политического проекта Второго мира — коммунизма — стерло Восток с глобальной карты», Мартин Мюллер предлагает «вернуть Восток на карту производства знания» посредством разработки категории Глобального Востока — равного, а не подчиненного Северу и Западу (Мюллер, 2020: 22). Я же воспринимаю концепт Глобального Востока как способ описания того пространства, которое — не в географическом, а в эпистемологическом смысле — уже было нанесено на воображаемую карту и объединено общей теорией в рамках постколониального дискурса.

Возможно, ценность и своевременность предлагаемой Мюллером идеи о Глобальном Востоке заключается в том, чтобы вернуть Другого в поле зрения тех исследователей из Восточной Европы, которые не используют деколониальную оптику в своих исследованиях. Подход Мюллера можно также интерпретировать как попытку де- и реконструирования того образа Другого, на котором базировался установившийся после 1989–1991 годов новый мировой порядок. Впрочем, правильнее было бы говорить об образе *новых Других*, разделенных и сегрегированных, локализованных и изолированных друг от друга, в том числе и посредством доминирующих теоретических дискурсов. Не исключено, что «Глобальный Восток» сможет утвердиться как космополитическая альтернатива (У. Бек) методологическому национализму, что позволило бы высвободить «условный» Восток не только из территориальной ловушки, но и из идеологической.

Postscriptum

В рамках данного текста я попыталась прояснить, каким образом политика влияет на академические исследования и в какой мере гегемонные идеологические дискурсы проявляют себя в идеологиях теорий. Произошедший на наших глазах консервативный поворот в постсоциалистическом пространстве обязывает социальных теоретиков быть более внимательными к собственной эпистемологической позиции, чтобы понимать — остаемся ли мы автономными агентами высказывания, когда отказываемся от термина «постсоциализм», используя вместо него понятие «Глобальный Восток»?

Не предлагая реанимировать постсоциализм, я тем не менее хотела бы сказать следующее. «Прощай, постсоциализм!» — это важный и назревший для социаль-

ных исследователей призыв, но он не выглядит однозначным в ситуации, когда политики многих стран Восточной Европы и бывшего Второго мира с удвоенной энергией пытаются изгнать призраков социализма (Деррида, 2006; Ousmanova, 2018) как из публичной сферы (в рамках политики десоветизации и декоммунизации), так и из актуального политического словаря¹⁹.

Термин «постсоциализм» грамматически удерживает в себе не только завершившееся прошлое, но и идею альтернативного социального устройства. «Социализм хоть и не был одновалентным, разделял общие идеи: честные зарплаты, перераспределение, социальная справедливость, защита семьи и гендерное равенство. Многие из левых согласятся, что эти идеи формировали часть политической повестки, достойную продолжения» (Мюллер, 2019). А так как «нет социализма после постсоциализма», получается, что нет необходимости даже вспоминать о том, что капитализм — не единственная система и что были, могли быть или могут быть другие альтернативы. Устраняя означившее, мы устраняем и его референта.

Осталось только выяснить, в рамках каких дискурсов мы сможем рассуждать о том, *что это было*, если *этого* больше нет, и *коль скоро* нам *дозволяется* больше не думать об *этом*? Если есть только *настоящее*, в котором быстро стираются уже не столь отчетливые следы пост/социалистического прошлого вместе с теориями, которые пытались его объяснить.

Литература

- Бек У. (2012). Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 5. С. 35–52.
- Бек У. (2001). Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника под общ. ред. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция.
- Гройс Б. (2007). Постскрипtum к «коммунистическому постскриптуму» // Художественный журнал. № 65–66. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/436> (дата доступа: 10.08.2020).
- Дадашева К. (2003). Азербайджан // Люди и роли: гендерный формат: Материалы программы «Гендерная политика и СМИ» на постсоветском пространстве. СПб.: Изд-во журнала «Звезда».
- Деррида Ж. (2006). Призраки Маркса: государство долга, работа скорби и новый Интернационал / Пер. с франц. Б. Скуратова под ред. Д. Новикова М.: Logos-altera.

19. Убедиться в том, что академия следует в фарватере политических идеологий, можно с помощью множества примеров; здесь приведу лишь один из них. В 2013 году литовские европарламентарии заявили, что такого понятия, как «постсоветское пространство» больше не существует: «Мы до сих пор используем термин „постсоветское пространство“, в то время как после развала Советского Союза прошло более 20 лет. В Армении, Молдове, Украине выросло новое поколение, которое знает об СССР из книг и рассказов родителей. Нет постсоветского пространства, постнацистского пространства, постфранкистского пространства. Там живут свободные люди, которые хотят быть частью мира» (<https://ru.delfi.lt/news/es/evrodeputat-ot-litvy-postsovetskogo-prostranstva-bolshe-ne-suschestvuet.d?id=62255915>).

- Коннелл Р. (2001). Маскулинности и глобализации / Пер. с англ. Я. Боцман // *Жеребкин С.* (ред.). Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 851–879.
- Коуп Б., Минченя Е., Сасункевич О. (2017). Введение: три редакторских голоса о прошлом и настоящем гендерных исследований // *Перекрестки*. № 1–2. С. 10–24.
- Мамедов Г. (2016). Почему нас интересует советское // *Открытая левая*. 26 февраля. URL: <http://openleft.ru/?p=7926> (дата доступа: 10.08.2020).
- Миньоло В. (2004). Оксидентализм, колониальность и подчиненная рациональность с префиксом «пост» // *Перекрестки*. № 1–2. С. 161–197.
- Мюллер М. (2019). Прощай, постсоциализм! / Пер. с англ. Е. Жаворонковой. URL: https://doxajournal.ru/stadis/goodbye_postsocialism (дата доступа: 10.08.2020).
- Мюллер М. (2020). Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Западом / Пер. с англ. Д. Безуглова // *Социологическое обозрение*. Т. 19. № 3. С. 19–43.
- Нейра Ф. (2015). Сумеречное воображение: вымысел, миф и иллюзия / Пер. с франц. М. Бендет // *Логос*. Т. 25. № 3. С. 179–196.
- Сосновская О., Борисенко А. (2017). Бывший Запад и Новый Восток // *Художественный журнал*. № 101. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1126> (дата доступа: 10.08.2020).
- Глостанова М. (2009). Деколониальные гендерные исследования. М.: Маска.
- Глостанова М. (2012). Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // *Человек и культура*. № 1. С. 1–64.
- Трубина Е. Г. (2002). О соотношении глобального и локального в циркуляции социального знания // *Социемы*. № 8. С. 62–78.
- Усманова А. (2002). Критические «интеллектуалы» и культурная политика в эпоху глобализации // *Гендерные исследования*. № 7–8. С. 45–75.
- Усманова А. (2007). Восточная Европа как новый подчиненный субъект // *Шпарага О.* (ред.). Европейская перспектива для Беларуси: интеллектуальные модели. Вильнюс: ЕГУ. С. 105–138.
- Chakrabarty D. (2000). *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Featherstone M. (1995). *Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity*. L.: SAGE.
- Frankel M. S., Cave J. (1997). Introduction // Frankel M. S., Cave J. (eds.). *Evaluating Science and Scientists: An East-West Dialogue on Research Evaluation in Post-Communist Europe*. Budapest: CEU Press. P. 1–6.
- Ghodsee K. (2014). A Tale of Two Totalitarianisms: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism // *History of the Present*. Vol. 4. № 2. P. 115–142.
- Ghodsee K. R. (2019). *Second World, Second Sex: Socialist Women's Activism and Global Solidarity during the Cold War*. Durham: Duke University Press.

- Ghodsee K. R.* (2018). *Why Women Have Better Sex under Socialism: And Other Arguments for Economic Independence*. L.: The Bodley Head.
- Halle F.* (1938). *Women in the Soviet East*. L.: Martin Secker & Warburg.
- Haraway D.* (1988). *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives* // *Feminist Studies*. Vol. 14. № 3. P. 575–599.
- Humphrey C.* (2001). *Does the Category of Postsocialism Still Make Sense?* // *Hann C.* (ed.). *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. L.: Routledge. P. 12–15.
- Jameson F.* (1988). *The Ideologies of Theory: Essays 1971–1986*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mignolo W. D.* (2012). *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton: Princeton University Press.
- Mohanty Ch. T.* (1984). *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses* // *boundary 2*. Vol. 12. № 3. P. 333–358.
- Ousmanova A.* (2003). *On the Ruins of Orthodox Marxism: Gender and Cultural Studies in Eastern Europe* // *Studies in East European Thought*. Vol. 55. № 1. P. 37–50.
- Ousmanova A.* (2009). *Passions over Europe: Eurovision as a Political and Cultural Phenomenon* // *Kimminich E.* (Hrsg.). *Utopien, Jugendkulturen und Lebenswirklichkeiten: Ästhetische Praxis als politisches Handeln*. Frankfurt: Peter Lang. S. 55–70.
- Ousmanova A.* (2018). *Jacques Derrida on The Territory of Ghosts* // *ATHENA: Journal of Philosophical Studies*. № 13. P. 96–123.
- Ousmanova A.* (2020). *Decolonising through Postsocialist Lenses* // *Smith M.* (ed.). *Decolonizing: The Curriculum, the Museum, and the Mind*. Vilnius: National Art Academy. P. 136–161.
- Saifullayeu A.* (2017). *Peripheral Challenges: An Interview with Jan Sowa* // *Obóz*. May. P. 49–62.
- Spivak G. Ch.* (1995). *In the New World Order: A Speech* // *Callari A., Cullenberg S., Biewener C.* (eds.). *Marxism in the Postmodern Age. Confronting the New World Order*. L.: Guilford Press. P. 89–100.
- Tlostanova M.* (2017). *Postcolonialism and Postsocialism in Fiction and Art: Resistance and Re-existence*. L.: Palgrave Macmillan.

The Debats on Post-Socialism and the Politics of Knowledge in the Space of the Plural “Post’s”

Almira Ousmanova

Professor, Department of Social Sciences, European Humanities University

Address: Savičiaus g. 17, Vilnius, LT-01126

E-mail: almira.ousmanova@ehu.lt

In this article I focus on how the politics of knowledge, have being shaped in a world without socialism, can be also considered as a space of multiple “post’s”. Social researchers from the

post-socialist region strive to return their countries onto the map and to identify their place in history, while applying different conceptual approaches based on different ideological premises. Meanwhile, all of these theoretical frameworks are not neutral in their relation to hegemonic discourses. Here I address the methodological nationalism, gender studies, and de-colonial discourse as the examples of “engaged knowledge”, while considering them as the most influential interpretative models among those that have become established in the post-socialist space after 1991, on the ruins of orthodox Marxism. What interests me most of all is the epistemological and political effects that they produce when they are applied to the analysis of the post-“post-socialist condition”. I argue that, depending on the interpretative optics, we might get quite different answers to such questions as whether the time has come to say “Goodbye, post-socialism!”, or to which extent the “Global East” can be considered as a useful category of analysis in the given circumstances. What I understand here by the ‘space of multiple “post’s”, is, firstly, a territory that, after the collapse of socialism, was inscribed into a new spatial constellation, but still continues to search for its place on the geopolitical map of the world and remains very sensitive to the politics of naming; secondly, I invoke it as a space of epistemological heteroglossia, that is, the one in which various ways of conceptualizing both the recent past and the actual present continue to compete with each other.

Keywords: politics of knowledge, socialism, post-socialism, feminism, methodological nationalism, marxism, West, East, Other

References

- Beck U. (2001) *Что takoe globalizatsiya?* [What is Globalization?], Moscow: Progress-Traditsiya.
- Beck U. (2012) Zhizn v mirovom obshestve riska: kosmopoliticheskii povorot [Living in the Global Risk Society: The Cosmopolitan Turn]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no 5, pp. 35–52.
- Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton: Princeton University Press.
- Connell R. W. (2001) Maskulinnosti i globalizatsiya [Masculinities and Globalization]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast 2: Hrestomatiya* [Introduction to Gender Studies, Part 2: Reader], Saint Petersburg: Aleteya, pp. 851–879.
- Cope B., Minchenya E., Sosunkevitch O. (2017) Vvedenie: tri redaktorskih golosa o proshlom i nastoyashem gendernyh issledovanii [Introduction: Three Editor’s Voices about the Past and the Present of Gender Studies]. *Perekrestki*, no 1-2, pp. 10–24.
- Dadasheva K. (2003) Azerbaidzhan [Azerbaijan]. *Lyudi i roli: genderny format* [People and Roles: Gender Format], Saint Petersburg: Zvezda.
- Derrida J. (2006) *Prizraki Marksa: gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyi Internatsional* [Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International], Moscow: Logos-Altera.
- Featherstone M. (1995) *Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity*, London: SAGE.
- Frankel M. S., Cave J. (1997) Introduction. *Evaluating Science and Scientists: An East-West Dialogue on Research Evaluation in Post-Communist Europe* (eds. M. S. Frankel, J. Cave), Budapest: CEU Press, pp. 1–6.
- Ghodsee K. (2014) A Tale of Two Totalitarianisms: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism. *History of the Present*, vol. 4, no 2, pp. 115–142.
- Ghodsee K. R. (2018) *Why Women Have Better Sex under Socialism: And Other Arguments for Economic Independence*, London: The Bodley Head.
- Ghodsee K. R. (2019) *Second World, Second Sex: Socialist Women’s Activism and Global Solidarity during the Cold War*, Durham: Duke University Press.
- Groys B. (2007) Postscriptum k “kommunisticheskomu postscriptumy” [Postscriptum to the Communist Postscriptum]. *Khudozhestvenny Zhurnal*, no 65–66. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/436> (accessed 15 July 2020).
- Halle F. (1938) *Women in the Soviet East*, London: Martin Secker & Warburg.

- Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives. *Feminist Studies*, vol. 14, no 3, pp. 575–599.
- Humphrey C. (2001) Does the Category of Postsocialism Still Make Sense?. *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia* (ed. C. Hann), London: Routledge, pp. 12–15.
- Jameson F. (1988) *The Ideologies of Theory: Essays 1971–1986*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mamedov G. (2016) Pochemu nas interesuet sovetskoe? [Why are We So Interested in the Soviet]. *Otkrytaya levaya*, February 26. Available at: <http://openleft.ru/?p=7926> (accessed 15 July 2020).
- Mingolo W. D. (2004) Oksidentalizm, kolonialnost i podchinennaya ratsionalnost s prefiksom “post” [Occidentalism, Coloniality and Subaltern Rationality with the Prefix “Post”]. *Perekrestki*, no 1-2, pp. 161–197.
- Mignolo W. D. (2012) *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*, Princeton: Princeton University Press.
- Mohanty Ch. T. (1984) Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *boundary 2*, vol. 12, no 3, pp. 333–358.
- Müller M. (2019) Proshai, postsotsializm! [Goodbye Postsocialism!]. Available at: https://doxajournal.ru/stadis/goodbye_postsocialism (accessed 15 July 2020).
- Müller M. (2020) Razyskivaya Globalny Vostok: myshlenie mezhdru Severom i Zapadom [In Search of the Global East: Thinking Between North and South]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 19–43.
- Neyrat F. (2015) Sumerechnoe voobrazhenie: vymysel, myf i illusia [Twilight Imagination: Fiction, Myth, and Illusion]. *Logos*, no 3, pp. 179–196.
- Ousmanova A. (2002) Kriticheskie intellektualy i kulturnaya politika v epohu globalizatsii [Critical Intellectuals and Cultural Politics in the Era of Globalization]. *Gendernye issledovaniya*, no 7–8, pp. 45–75.
- Ousmanova A. (2003) On the Ruins of Orthodox Marxism: Gender and Cultural Studies in Eastern Europe. *Studies in East European Thought*, vol. 55, no 1, pp. 37–50.
- Ousmanova A. (2007) Vostochnaya Evropa kak novyi podchinennyi subject [Eastern Europe as the New Subaltern Subject]. *Evropeiskaya perspectiva dlya Belarusi: intellektualnye modeli* [European Perspective for Belarus: Intellectual Models] (ed. O. Schparaga), Vilnius: EHU, pp. 105–138.
- Ousmanova A. (2009) Passions over Europe: Eurovision as a Political and Cultural Phenomenon. *Utopien, Jugendkulturen und Lebenswirklichkeiten: Ästhetische Praxis als politisches Handeln* (ed. E. Kimminich), Frankfurt: Peter Lang, pp. 55–70.
- Ousmanova A. (2018) Jacques Derrida on The Territory of Ghosts. *ATHENA: Journal of Philosophical Studies*, no 13, pp. 96–123.
- Ousmanova A. (2020) Decolonizing through Postsocialist Lenses. *Decolonizing: The Curriculum, the Museum, and the Mind* (ed. M. Smith), Vilnius: National Art Academy, pp. 136–161.
- Saifullayev A. (2017) Peripheral Challenges. An Interview with Jan Sowa. *Obóz*, pp. 49–62.
- Sosnovskaya O., Borisyonok A. (2017) Byvshii Zapad i Novyi Vostok [Former West and New East]. *Khudozhestvenny Zhurnal*, no 101. Available at: [<http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1126>] (accessed July 15 2020).
- Spivak G. Ch. (1995) In the New World Order: A Speech. *Marxism in the Postmodern Age. Confronting the New World Order* (eds. A. Callari, S. Cullenberg, C. Biewener), London: Guilford Press, pp. 89–100.
- Tlostanova M. (2009) *Decolonialnye gendernye issledovaniya* [Decolonial Gender Studies], Moscow: Maska.
- Tlostanova M. (2012) Postcolonialnaya teoriya, dekolonialnyi vybor i osvobozhdenie estezisa [Postcolonial Theory, Decolonial Choice and Freeing of Aesthetics]. *Chelovek i kultura*, no 1, pp. 1–64.
- Tlostanova M. (2017) *Postcolonialism and Postsocialism in Fiction and Art. Resistance and Re-existence*, London: Palgrave Macmillan.
- Trubina E. (2002) O sootnoshenii globalnogo i localnogo v tsirkulyatsii sotsialnogo znaniya [On the Relations between Global and Local in the Circulation of Social Knowledge]. *Sotsiemy*, no 8, pp. 62–78.